

Эльчин
Сафарли

ТУТ
МОЙ
ДОМ

нету иного пути, как через руку твою —
как же иначе найти милую землю мою?

Эльчин Сафарли

Тут мой дом

Серия «Бестселлеры Эльчина Сафарли»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68539553
Тут мой дом : [роман] / Эльчин Сафарли: АСТ; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-152572-9*

Аннотация

Помнит ли город людей, которые прожили в нём всю жизнь? Ежедневно ходили по его улицам, вдыхали его бриз, пыль и дым, боролись за его мир и целостность, опускали в его землю любимых людей и встречали объятиями новое поколение. Знаю, что всех лиц не запомнить, что люди похожи на быстрое, бесконечное течение реки. Но верю, что город помнит тех, кто его любит, кто служит ему делом – они оставляют тут отпечатки душ.

Содержание

1. Я думаю о море	7
2. Не позволяй страхам отнимать у тебя радость	10
3. Это место, где я лучше слышу себя	13
4. Сохрани то хорошее, что в тебе есть	16
5. Я продолжаю мечтать, как бы тяжело ни было	19
6. Я за тебя	23
7. Что ты делал? Мечтал!	26
8. Мы плотно вплетены друг в друга	30
9. Быть и остаться хорошим человеком	34
10. Вместе вернёмся домой	38
11. Кто придумал эту чушь с половинками?	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Эльчин Сафарли

Тут мой дом

*Нету иного пути, как через руку твою —
как же иначе найти милую землю мою?*

Моему городу

Издательство благодарит литературное агентство
«Amapola Book» за содействие в приобретении прав. [https://
amapolabook.com/](https://amapolabook.com/)

Фото на обложке: *Катя Карпешова*
<https://kkarpeshova.ru/>

Фото автора: *Мария Павловская*
<https://mariapavlovskaya.com/>

© Э. Сафарли, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Жизнь для меня не тающая свеча. Это что-то вроде чудесного факела, который попал мне в руки на мгновение, и я хочу заставить его пылать как можно ярче, прежде чем передать грядущим поколениям.

Бернард Шоу

Так было в детстве: закрою глаза, посплю, а когда проснусь – все пройдет, больше не будет болеть, не будет страшно. Чаще всего так и случалось, а если и нет, то страшное забывалось, растворялось в круговороте повседневных впечатлений – по пути на пляж или пока доставали холодный арбуз из дачного колодца.

Сейчас, когда мне уже не девять, а тридцать девять, хочется, как раньше, закрыть глаза, заснуть и, проснувшись, выздороветь. Распахнуть окно и увидеть не шумный город, а дачный сад с расползающимся по горячей земле виноградом (дедушка не подвязывал лозы) и высоким, до неба, инжирным деревом. Но нынче понимаю: исцеление – реже про чудо, чаще про труд, сердечный, ежедневный, порой невыносимый и одновременно возвышающий.

Удивительно, что эти душевные старания я не променял

бы ни на какую безболезненную альтернативу. И еще удивительнее, что все чаще, плутая по переулкам зрелости, вдруг выхожу к морю, тому самому, из детства. Там, на берегу, — нарезанный отцом арбуз, молодая мама с короткой стрижкой и наша собака несется мне навстречу (обниму ее крепко-крепко, и она, поскуливая, будет извиваться в объятиях). Там мои мечты, сбывшиеся и оставшиеся в сердце. Там то, что облегчает боль. Пусть и на время.

1. Я думаю о море

Утром мы с бабушкой поехали навестить тетю Наиду, отвезти ей гранатов из дачного сада. Я гордо нес сумку с алыми плодами, пахнущими моросящим дождем и чем-то вяжуще-сладким; верил, что они спасут тетю от болезни, правда, не знал от какой, – взрослые отмалчивались.

«Тетя Наида их не попробует, ей тяжело дышать. Может, подержит в руках гранаты, вспомнит, как мы в детстве помогали отцу складывать урожай в ящики, и ей полегчает. А знаешь, что твой прадед пел гранатовым деревьям, когда поливал их вечерами?»

Тетя Наида с нежностью рассматривала гостинцы, едва заметно улыбаясь. Бабушка сидела рядом и, повязывая голову платком, рассказывала старшей сестре о самом обычном. О том, что гранаты в этом году густо-красного цвета, как рубины, но кислющие – виноваты ранние дожди. «Так что, сестра, есть их не обязательно, только изжогу вызовешь. Зато погляди, какой цвет».

Наида, сжимая слабыми пальцами спелый гранат, задумчиво смотрела в окно. Мне, девятилетнему мальчишке, хотелось, чтобы мысли ее были не о гранатах (кстати, бабушка соврала – урожай был сладкий-пресладкий), а о море. Когда

я болел, думал о море, помогало.

На дачу мы возвращались на пустой дневной электричке. Я прилег на деревянное сиденье, положив голову бабушке на колени. Она смотрела на линию потемневшего по осени апшеронского песка и тихо плакала. Я делал вид, что не замечаю; почувствовал, что так нужно.

Приближаясь к станции, электричка загудела. Я торопливо поцеловал бабушкину руку, как бы говоря: я люблю тебя, бабуля, и не буду смотреть, как ты плачешь, не стесняйся.

От станции «Инжирной» до нашей дачи идти недолго, три квартала. За нами увязался пес Гоша, которого мы подкармливали. «Ах ты, обжора, ведь утром смел миску потрошков! Ладно, не скули, пойдем с нами». По пути бабушка заговорила о дачном дымоходе, который пора почистить; о куриных потрошках, которые надо купить у мясника Сахиба; жаловалась на маму, решившую поступать в автошколу. «Она же такая эмоциональная, витает в облаках, но хочет сесть за руль. Куда смотрит твой отец?»

Вдруг бабуля затихла и печально сказала: «До болезни тебя Наида хорошо водила. Твоя мама в нее, такая же смелая». А потом добавила то, что я отчетливо смог вспомнить, только когда вырос (а вырос ли?..)

«Сынок, жизнь будет продолжаться до тех пор, пока люди будут стараться не осуждать друг друга, а понимать. Слышать. Не ищи мира, состоящего целиком из понимания, во всяком случае, не тут. Но в наших силах сделать так, чтобы осуждения стало меньше. Хотя бы на улице, где живем... Гоша! Не путайся под ногами!»

2. Не позволяй страхам отнимать у тебя радость

В нашей с братом дачной комнате были синий шифоньер, две кровати и широкое окно с распашными створками и сеткой от комаров, местами продырявленной ветрами и залатанной дедушкой. На шифоньере, после утренних и вечерних заплывов, отдыхала надувная косатка. Она была волшебной – живой, только не все знали эту тайну.

Спать ложились нехотя, как и все дети летних дач. После монотонных школьных будней нас будоражил апшеронский простор: заброшенные маяки, изогнутые инжирные деревья, пугливые ужи и, конечно же, море – главный персонаж каникул.

Брат, хоть мы и двойняшки, шумнее, шустрее меня, дольше противился кровати, но, когда нас все же укладывали, уже через пару минут сопел (тоже шумно).

В дни северного ветра на чердаке кто-то вздыхал, скрипел и шагал, и мы подолгу не могли уснуть. «Амир, слышишь? Мне страшно, а тебе?» – из-под одеяла выглядывала макушка брата. Я с детства не прятался от страхов, смотрел им в глаза, хотя у самого сердце билось в горле. «Немного. Это

ветер, а не Чернушка. Хочешь, ложись со мной». Брат вылезал из кровати, на цыпочках перебежал по ковролину, мы засыпали под одним одеялом.

«Нам страшно, а Косатке нет, гляди, как крепко спит». Косатку не пугали ни ураган, ни Чернушкины вздохи, ни возможное падение со шкафа. Косатку пугала жизнь без моря. Меня это тоже пугает: в такие мгновения я мысленно или воочию спешу на «наш» берег, где брат с разбегу ныряет в воду (никаких медленных заходов, чтобы тело привыкло к утренней прохладе Каспия), где бабушка ждет нас с хлебной горбушкой, белым сыром и помидором.

Помню, как, приподняв юбку, она стоит у воды. «Ну-ка, быстро на берег, уже губы посинели! Если себя не жалеете, пожалейте хотя бы Косатку, она устала». Мы любили бабушку, старались ее не обижать, но не меньше любили еду из ее рук: откусываешь бутерброд, не успев обсохнуть, с волос стекает соленая вода, пальцы мокрые, горбушка хрустит, помидор мясистый – вкусно!

Косатку с пляжа несла бабушка. Смахивала с нее прилипший песок и, водрузив на голову, шла вдоль дороги. Пробегая мимо ребятня, увидев бабушку с надувной игрушкой, замирала в изумлении. «Что, дети, не видели старушек с косатками на голове? А ведь и я была такой, как вы. У ме-

ня тоже было море, но не было косатки. А я о ней мечтала. Мечта сбылась, пусть и в шестьдесят восемь лет».

После моря бабушка нас мыла, кормила, отправляла спать – жара днем несусветная, почти сорок, на улице не поиграешь. Она клала на ковролин между кроватями ватный матрас, и мы втроем на него ложились. На дачах Апшерона спать летом на полу – классика: прохладнее.

Перед сном мы болтали, например, о Чернушке, которая прошлой ночью так нас пугала. Бабуля слушала нас с полужакрытыми глазами: «Мальчики, не позволяйте страхам отнимать вашу радость... Все, теперь спать. Вечером полезем на дерево за инжиром, набирайтесь сил».

Услышав про покорение деревьев, мы закрывали глаза. В окна сквозь виноградник льется солнце, ветер стих, на чердаке тишина, рядом бабушка, и нас ждет вечер на большом-пребольшом дереве, с которого видно море.

3. Это место, где я лучше слышу себя

По пятницам бабушка ездила в мечеть в соседний поселок, пять остановок на автобусе. Просыпалась раньше обычного, оставляла на кухонном столе завтрак (брынзу, сливочное масло, инжирное варенье, отварные яйца, свежий хлеб и чайник чая, укутанный шерстяным шарфом) и, как говорил брат, «уезжала к Богу».

В эти дни бабушка была не такой, как всегда: не грустной и не веселой, задумчивой, сосредоточенной на чем-то важном, о чем в другие дни тоже думала, но глубоко про себя. Утром она купалась, собирала волосы в плотный пучок, снимала подаренное дедушкой золотое кольцо с гранатом, надевала длинное платье, покрывала голову и плечи белым шелковым платком и выходила из дома. Автобус, прорываясь сквозь горячую песчаную пыль, приезжал с опозданием. Обычно бабушка бранилась на задержки, но только не в пятницу.

Накануне очередной поездки я попросился с ней. «Я тоже хочу увидеть Бога». Она сидела на веранде за столом и перебирала нут на медном подносе. «Для этого необязатель-

но куда-то ехать. Видишь, как колышутся виноградные листья? Слышишь, как мама поет на кухне, замешивая тесто? Это и есть Бог». Я удивился: «Тогда для чего ты едешь в мечеть?» Бабушка отодвинула поднос. «Есть места, где лучше слышишь Бога, куда веками приходят люди, чтобы с Ним говорить. На самом деле, с собой». Я нетерпеливо перебил: «Получается, там лучше слышишь в себе Бога?» Она протянула руку и положила теплую, пахнущую солью моря ладонь на мою щеку. «Да, Амир. Так и быть, завтра поедем вместе. Не обещаю провести внутрь мечети, но во дворе растут миндальные деревья дивной красоты, посидишь под ними, меня подождешь».

Деревья оказались намного больше, чем я представлял; я сидел на деревянной лавке, рассматривая минареты с балкончиками. В кармане было красное яблоко, очень хотелось его откусить, но я себя останавливал, еще не хватало — жевать в гостях у Бога.

Люди приходили к мечети со всей округи, улыбались, поздравляли друг друга. «Тут не надо вести себя как в кабинете школьного директора. Бог добрый. Иначе все эти люди не улыбались бы, приходя сюда», — подумал я, расслабился и решился съесть яблоко.

Появления бабушки я не заметил, засмотрелся на облака. Чуть приспустив с головы платок, она сидела рядом. «Ба-

буль, ты вернулась! Как прошла встреча с Богом?» Бабушка прижала меня к себе. «Хорошо, Амир. В человеке, кроме любви, много всего странного. Но не зря мы пришли в жизнь за знанием, опытом...» Откусываю яблоко: «...и за тем, чтобы узнать Бога?» Бабушка кивает: «Именно. Ты тут не скучал? Давай еще немножко посидим и поедем».

4. Сохрани то хорошее, что в тебе есть

Бабушка раскатывает шарик теста до размера блюдца, выкладывает на одну его половину мясной фарш с гранатовыми зернами, другой накрывает, прищипывает края. Получается пирожок в форме полумесяца – кутаб. Бабулины кутабы особой рецептуры, такие готовят только в апшеронском селении Хила.

Аккуратно, чтобы не помять, раскладываю кутабы на смазанный маслом противень. Скоро их поставят в печь, и на даче запахнет так аппетитно, что сбегутся все кошки округи. Бабушка не забыла и о них, приготовила кашу из остатков мяса и риса. «Только сняла кастрюлю с плиты, потерпите, пусть остынет». Коты понимали бабулю, далеко не уходили, запрыгивали на ветви многолетнего инжира, ждали.

Готовые кутабы, подрумяненные сверху и чуть поджаренные снизу (с корочкой, хырт-хырт), бабушка складывала в медную кастрюлю, чтобы не остыли. Нам с братом не терпелось их попробовать, но мы помнили о традиции – первый противень бабушка отправляла двум душевнобольным женщинам, живущим неподалеку от станции, на полуразрушен-

ной даче с высохшим тутовником.

Сахибу и Рафигу кормили соседи. Бабушка часто просила нас отнести еду сестрам, но сама даже не смотрела в сторону заброшенного дома, словно чего-то боялась.

Однажды я взбунтовался. Бабушка поручила отнести сестрам банку с борщом. Не помню почему, но у меня было плохое настроение, и я выпалил: «Не хочу никуда идти! Почему бы тебе самой не отнести еду этим сумасшедшим?» Бабушка молча выслушала меня и со словами «жаль, очень жаль» вышла из детской. Косатка, недовольная моим поведением, фыркнула.

В тот вечер я видел, как бабушка, сидя на веранде с мамой, плакала. «Даже смотреть не могу в сторону их дома, разрывается сердце». Мама обнимала бабушку, приговаривая «это жизнь, мам». Я же по-прежнему не понимал, чем она так расстроена.

На следующее утро брат с мамой уехали в город, надо было приготовить папе еды, навести порядок в квартире. Ему не давали отпуск, и мама огорчалась: «Все лето опять просидит в духоте». Мы с бабушкой пошли на море. Вдвоем. Косатку не взяли, она простудилась, предпочла поспать на шифоньере. Я пообещал принести ей ракушек.

По дороге на пляж бабушка свернула к заброшенной даче. В руках у нее был пакет с одеждой. Одна из женщин сидела на каменном крыльце и мычала в грязную банку из-под борща. Увидев бабушку, она замерла. Мы молча оставили пакет под тутовником, пошли обратно.

Уже на берегу бабушка кормила меня инжиром и рассказывала, что в жизни бывают разные истории – много радостных, а еще больше грустных. Что есть боль, от которой нет исцеления. Ты живешь с ней, не разрешая ей себя обезличить, лишит того хорошего, что в тебе есть. Еще бывает, что боль становится другом. Но это нечасто.

«Жить с болью – испытание, возможно, самое тяжелое. Облегчить боль ближнего – словом, поступком, объятием или молитвой – великое умение, Амир».

5. Я продолжаю мечтать, как бы тяжело ни было

Мы с братом цепляли веревку к пластиковым ведерцам, вешали их на шею, взбирались на инжирное дерево. Спелые плоды прятались за шершавыми листьями – разглядеть и, срывая, не раздавить. Чем дольше инжир грелся на солнце, тем тоньше становилась кожура – резкое движение, и мякоть прорывалась наружу. Когда такое случалось, мы съедали мятые фрукты или закидывали в ведро с надписью «Джем». В другое – «Варенье» – попадали невредимые и самые красивые инжирины.

Проводили на дереве все утро. Спускались, только чтобы выпить воды, пописать или высыпать собранное в медный казан, накрытый марлей от пчел.

Бабушка нами гордилась. В дни сбора урожая разрешала плавать в море дольше обычного и подбрасывала денег на мороженое. Деньги мы не тратили, кидали их в керамического слона-копилку и ждали дня, когда поедем в «Детский мир». Просто поглядеть или, если хватит накопленного,купить двухуровневую железную дорогу с электропоездом.

В нашем саду росло всего одно инжирное дерево, большое, необъятное, названное бабушкой Кормильцем. «Когда ваш дед попал в аварию, он повредил ноги, год лечился. Я работала за двоих. Если бы не Кормилец, я бы не справилась. Варила варенье и продавала, а еще сушила инжир, делала пастилу, конфеты. Именно в это лето Кормилец плодоносил как никогда щедро – вечером соберем два ведра, а наутро созревали те, что вчера были зелеными».

Бабушка вспоминала о чудесах, гладила дерево, что-то шептала; я не мог разобрать слов, но понимал – это молитва. «Мальчики, когда меня не станет, берегите Кормильца. Не позволяйте его обижать. Если вдруг вам не понадобится урожай, пусть его соберут те, кто в нем нуждается».

Моя самая заветная мечта родилась, когда я сидел на ветках Кормильца. Смотрел то на небо, то на море и грезил, что однажды уеду далеко-далеко. В пути буду писать истории.

Однажды я поделился с бабушкой мечтой покинуть Апшерон. «Амир, ты обязательно уедешь, это будет верным решением. Если Господь даст жизни, напеку тебе в дорогу хлеба. Иногда нужно уехать, чтобы понять... что менять первым делом следует себя, потом место. Что к своему таланту следует относиться ответственно; что Господь всегда держит над тобой руку, хотя будут дни, когда ты в этом усомнишь-

ся».

Я прижался к бабушке. Косатка на шифоньере громко чихнула, занавески взлетели и опустились. «Вдруг я не смогу, вдруг не получится, вдруг мне что-то помешает?» Она улыбнулась: «Скорее всего, так и будет. Чего-то не сможешь, что-то упустишь – в путешествии случается разное. И это разное учит. Чему? Например, тому, что надо продолжать мечтать, как бы ни было тяжело».

Бабушка перебирает инжирины, достает мелких улиток, кусочки листьев, обломки веток. «В этом казане разные плоды, красивые и не очень. Так и мысли в твоей голове. Среди них были, есть и будут те, которые очень пугают. Не прячься, смотри на них, но не позволяй им увести тебя в темноту. А если оказался во мраке, вспомни о тех, кого любишь и кто любит тебя – свет этих маяков вернет домой».

Брат сползает с дерева, ссыпает в казан еще ведерко. «Молодцы, мальчики, что бы я без вас делала? Ха-ха, и что бы вы делали без меня... Бегом умываться – и за стол, я приготовила котлеты с пюре».

Спешим к колодцу. За нами, покачиваясь на ветру, приглядывает Кормилец, на его глазах мы живем, меняемся, растем. Он оберегает нас своими видимой и невидимой кро-

нами.

6. Я за тебя

Когда мы с братом грустили – дул северный ветер, и на море не пойти; у велосипеда слетело колесо, и теперь везти его на починку в город; лето заканчивалось, и скоро в школу, – бабушка баловала нас пирогом с айвовым джемом, пела песни, разрешала до ночи слушать радио и крепко нас обнимала. Если это не помогало, использовала свой коронный хмурый взгляд. «Походили денек с повисшими носами, и хватит. Иначе грусть станет привычкой».

Она любила жизнь и не изменяла этому сильному чувству. «Сложить руки не выход. А в чем выход? В том, чтобы видеть, чувствовать красоту даже тогда, когда болит душа».

Мы росли и все чаще встречались с грустью. Когда из-за темной бури не было видно маяков, вспоминали бабушкины слова: «Если грустно, заставьте себя улыбнуться. Это не избавит от боли, но улыбка поменяет мысли».

...Была поздняя осень, наверное, конец октября. Мы всей семьей сидели за столом в городской квартире, бабушка разливала кизилковый компот, мама накладывала плов, когда в дверь постучали. («Не позвонили в звонок, странно», – подумал я.) Папа пошел открывать, я побежал за ним, надеясь, что зашла соседка тетя Фаина со своим бульдогом (как ис-

кусно Барон стоял на двух лапах!). За дверью были милиционеры, назвали дедушкино имя.

На рыбном заводе, где он работал, обнаружили недостачу черной икры. Дедушка объяснил директору, что сдал весь товар согласно накладным, но ему не поверили. Он собрался и с чистой совестью поехал домой. Не успел сесть за стол, как за ним пришли. В тот вечер дедушку увезли.

Бабушка в тревоге ходила по комнате. «Этого не может быть, Галиб не позволит себе украсть». Два дня дедушки не было, и все это время бабушка простояла у входа в отделение – приезжала ранним утром, на первом автобусе, уезжала ночью, на последнем.

На третий день дедушку выпустили. Недостачу обнаружили: товар по ошибке увезли на склад в другой город.

Дедушка уволился. Помню, как он вернулся домой, скинул пальто, сел в прихожей на табурет. Я подошел, обнял его. Бабушка принесла тапочки. Он снимал ботинки (темно-коричневые, с короткими шнурками) и говорил усталым, но решительным голосом: «Безнравственность привлекательна, она легче, чем нравственность. Это искушение, которому многие поддаются. Я всегда был бдительным, Гюльнар, чтобы не потерять себя, нас». Бабушка повесила пальто на ве-

шалку. «Знаю. Поэтому я за тебя и ни разу об этом не пожалела. Идем к столу».

Зиму дедушка провел на даче. Ездили к нему на выходные: заваривали чай в самоваре, чинили веранду, играли в лото, кормили Гошу, ходили на зимний пляж, когда не было ветра. Как-то на пляже я спросил: «Деда, ты грустишь?» Он придерживал меня за руку, чтобы я не поскользнулся на мокрых после дождя скалах. «Бывает. А потом вспоминаю о вас, о том, как мне повезло с семьей, и становится хорошо... Как дела в школе, Амир?»

Весной дедушке предложили работу на макаронной фабрике.

7. Что ты делал? Мечтал!

Ночами, когда все засыпали, я тайком выбирался из дачного дома. Дверь в бабушкину комнату оставалась открытой, поэтому пройти по коридору было непросто. Однажды она проснулась на скрип полов: «Куда ты, сынок?» – тогда я придумал, что бежал к ней от страшного сна.

Со временем я определил, запомнил и стал обходить шумные доски: те три у обувного шкафа, предатели, могли затрещать так, что проснутся в погребке мыши!

Следующей задачей было бесшумно открыть входную дверь, скрипящую похлеще пола. Дверь была бабушкиным шпионом, доносившим о том, что мы с братом днем сбежали на пляж, что дедушка вернулся домой и можно накрывать на стол, что явилась болтливая соседка Нурия и следует притвориться простуженной, чтобы она побыстрее ушла.

Неделю я выстраивал отношения с дверью: промасливал петли, протирал ручки, даже уговорил деда ее покрасить. Дверь сдалась, безмолвно позволяя мне ночами покидать дом, взбираться на дачный забор и смотреть на мир.

Ночи я полюбил еще в городской квартире. Она у нас

угловая, с двумя балконами, каждый из которых смотрел на свой памятник поэту – Сабиру и Низами. Мне казалось, городские скульптуры оживают ночами. Переступая через крыс, перелезая через автомобили, они гуляют по безлюдным улицам, читают друг другу стихи, обсуждают время, за которым следят каменными (но на самом деле полными жизни) глазами и не удивляются: люди не меняются, они все так же разрываются между ангелами и бесами, духовным и материальным, миром и войной.

На даче темно, только на веранде горит лампочка. Вокруг нее суется мошकारа, машут крыльями бабочки и гудят черные жуки, которые, обжигаясь, с треском падают на пол. Перебегаю сад, вскарабкиваюсь на тутовник, с него перелезаю на забор. Сажусь, свесив ноги, оглядываюсь.

Передо мной просторы Апшерона, такие же, как и днем, но только ночью я чувствую, что это мое. Стрекот цикад смешался с шумом моря, издалека доносится грохот железной дороги – к станции приближаются поезда-цистерны. Едва слышна музыка из дома дяди Рафика: он перед сном слушает радио и под него засыпает. Справа – встряхивает и развешивает белье тетя Ира, мама моего друга Аяза (у него еще трое братьев). Бабушка жалеет тетю Иру. «Уложив детей, допоздна стирает во дворе. Когда Ира высыпается? С восьми утра с мальчиками на море».

Еще я слышу плач, но, признаюсь, мне не хочется его слышать. Это тетушка Шаргия, прошлым летом у нее в море утонула дочь. В дневное время она такая же, как все, а ночами оплакивает свое горе. Прошу Бога послать ей сил.

Под ногами, где-то у забора, слышу копошение. Это Гоша прибежал: то ли охранять меня, то ли ему скучно. В темноте вижу виляющий хвост. «Мне нечем тебя угостить, дождись утра. По секрету: бабушка размораживает тебе куриные шейки». Пес, услышав про еду, начинает скулить. «Гоша, если ты сейчас же не замолчишь и разбудишь бабушку, то не видать тебе шеек, как своего мокрого носа!» Пес затихает.

Все же Гоша охраняет меня в тайных побегах. Один раз он едва меня не сдал: спускаясь с забора, я оступился, чуть не слетел вниз. Почуввав неладное, собака залаяла так громко, что еще немного, и проснулась бы вся дача. С трудом вскарабкался на забор. «Гоша, шшш, я цел!» Увидев меня, пес радостно засопел.

Ночь помогала мне определить свое звучание. Наедине со стихнувшим полуостровом я слушал себя, переосмысливал прожитое, раскладывал на «мое» и «не мое».

По утрам я был квелым. Бабушка, делая мне бутербро-

ды с инжирным вареньем, не понимала (или понимала?), что происходит. «Ты сонный, будто гулял полночи. Плохо спал? Чем занимался ночью, признавайся?» Отхлебнув сладкого чая, кратко отвечал: «Мечтал». Похоже, бабушке это нравилось, она улыбалась, продолжая намазывать густой золотистый сироп на хлеб с маслом.

8. Мы плотно вплетены друг в друга

В нашей дачной жизни не хватало папы. Летом он был больше всего загружен на работе, выходной – раз в неделю. Он приезжал поздними вечерами, молчаливый и уставший, мы бежали его обнимать. Вместе лежали в гамаке под тутовником, слушали шум листьев на южном ветру.

Я рассказывал папе о цвете моря (по утрам голубое или серое, в зависимости от настроения неба, а на закате – желто-красное); о тюленях, которых выбросило на берег (сети паршивых браконьеров!); о том, что скучаю по городу, по квартире на четвертом этаже, по тесному лифту с распашными дверьми, по двум балконам – один на Коммунистическую, другой – на Гуси Гаджиева. Али добавлял, что тоже скучает, но по сосискам на углу. «С булочкой и горчицей! И лимонад, ммм, грушевый!»

«Запоминайте море, ребята, слушайте его. Моря всегда мало, даже если живешь в километре от него». В тот момент мы не придали отцовским словам значения, но зимой, в школьных буднях, их вспоминали: следующим летом будем меньше лазить по недостроенным дачам и больше гулять у

моря!

В городе была набережная, но эту часть Каспия мы за море не признавали – вода мутная, пахнет бензином, нет песка, скал, маяков.

...Бабушка любила папу. Иногда мне казалось – больше, чем свою дочь, нашу маму. «Он хороший человек, сильный и разумный. И умеет контролировать эмоции». Мама ревновала. «Это потому, что он ненадолго приезжает со своей чертовой работы и уезжает туда же почти на всю неделю. А как же семья?!» Бабушка перебивала: «Прекрати, дети слышат».

Одним утром я попросил бабулю: «Можешь не хвалить папу при маме?» Она огорчилась. «Мама сердится не потому, что я говорю о папе хорошее. Там другие причины, твои родители всё решат сами. Хотя мы и одна семья, но это их история. Есть ситуации, с которыми человек должен справиться сам, иначе он себя не узнает».

Я понял, что родителям нужна помощь. «Бабуль, что мы можем сделать?» Она накрывает мою руку своей. «Любить их. Даже когда они друг на друга дуются». Мне хотелось понять мир взрослых: «Почему они часто дуются?» Бабушка тщательно подбирала слова. «Трудно объяснить, сынок, но я попробую. Люди несовершенны. К счастью. Совершенное

любить легче, несовершенно – сложнее, но зато эта любовь настоящая».

Мои детские воспоминания о папе – кадры без хронологии, будто вырезанные из разных катушек. На одном – сидим на холме у старого маяка, напоминающего шахматную ладью. Смотрим на море. С высоты кажется, что оно далеко, на самом деле близко – можно разбежаться и, зажмурившись, нырнуть. Отцовское детство тоже прошло на даче, в соседнем апшеронском поселке, может, поэтому у нас, его сыновей, особые отношения с морем? Любовь к морю передается с кровью?..

«Ты нас так внимательно слушаешь, Амир, что вырастешь быстрее. Это и хорошо, и не очень. Умение слышать – талант, и у тебя он есть. Осталось его не растерять, направить на полезное миру дело».

Папа мечтал стать художником, рисовал с малых лет. В старших классах педагоги настаивали, чтобы он поступил в художественную академию. «Отец не разрешил, и я пошел в инженеры. Я рос там, где дети не перечили родителям, – традиционная кавказская семья. Не отстоял свою мечту.

Узнав, что я хочу быть художником, отец сломал мольберт, порвал рисунки. Было больно, саднило много лет. Отпустило, когда появились вы: дал себе слово, что мои сыно-

вья будут расти иначе, без страха говорить то, что чувствуют... Спустимся к морю?»

Папа – высокий, худощавый, с копной каштановых волос – идет впереди. Специально чуть отстаю, мне нравится видеть его на фоне моря. Хочу запомнить детали: папины бежевые брюки, корягу в правой руке, светло-голубую воду, мягкий ветерок по золотому настилу холма. Между нами расстояние, но в нем нет отчужденности, наоборот, мы так плотно вплетены друг в друга, что все земные дистанции теряют значимость.

9. Быть и остаться хорошим человеком

Летом, когда заканчивался театральный сезон, к нам часто приезжала Хати, мамина подруга, актриса драматического театра. Она не позволяла нам называть себя тетей или полным именем, Хатира. «Такое обращение прибавляет возраста. Не надо, жизнь и без того прибавит».

Шустрая, невысокая, смешливая пышка. Ей нравилось сидеть на полу, растянув коротенькие ноги на шерстяном ковре и подложив под себя диванную подушку. Бабушка, как и все мы, любила Хати. «Вокруг меня одни земные профессии. Как хорошо, что ты у нас есть, Хати».

Сидя на ковре, они обсуждали песни Муслима Магомаева, смеялись и сплетничали, заворачивали долму или чистили каштаны для плова. Бывало, плакали; слезы совпадали с днями, когда Хати привозила на дачу поблескивающая на солнце черная «Волга».

Мы ходили с мамой на ее спектакль. На сцене хохотушка Хати, характером напоминающая воробушка, преображалась в орлицу. Движения актрисы Хатиры Багировой замедлялись, голос суровел, взгляд пронизывал. Она играла силь-

ную духом женщину, не сломленную испытаниями – так объясняла мама. Я не верил, что это роль, Хати была той самой сильной женщиной.

На поклоне мама передала мне букет, и я, пробираясь сквозь толпу, его вручил. Хотя актриса еще оставалась в величественном образе, наклоняясь ко мне, она взяла хризантемы как наша родная Хати – в глазах знакомые легкость, игривость. «Спасибо, любимый мальчик», – и, прижимая к груди цветы, продолжила кланяться под овации зала. Занавеси закрылись, театральная магия рассеялась – возвращение из возвышающего в земное.

После театра мы шли домой сквозь многолюдные городские улицы, но не ощущали, как обычно, остро и навязчиво суету происходящего. Театр наполнил нас необъяснимо чарующим, что было гораздо сильнее обыденности. Тот самый дух искусства, о котором говорила бабушка.

На следующий день Хати приехала к нам на дачу. Было воскресенье, накрапывал дождь. Дедушка подметал веранду. «Хорошо сегодня, не холодно. Ветра нет. Такая погода в конце ноября на Апшероне – везение. Амирчик, принеси шишек из погребца, поставим самовар. И маме скажи, пусть приготовит заварку с чабрецом или гвоздикой».

Я перекладывал шишки из мешка в ведро, когда в доме послышался голос Хати. Хлопнула входная дверь, застучали каблуки, запахло цветочным парфюмом. Бросаю ведро, бегу по деревянной лестнице наверх. «Ах, любимый мальчик! Какие же вчера были роскошные хризантемы». Хати погружает меня в облако своего аромата, я забываю обо всем.

За чаем дедушка разворачивает газету, где пишут о присвоении артистам почетных званий. «Первым делом надо награждать служителей театра, в них море внутреннего самосожжения. А в списке одни певцы. Не хочу никого обидеть, но эстрада по большей части скудоумна».

Хати нарезает вишневый пирог. На ее пальцах с алыми ногтями остается сахарная пудра. «Дядя Галиб, может, не нужно сравнивать эстраду и театр? Я не переживаю, что у меня нет звания. Я шла на сцену за пониманием себя; мне сложно жить с собой, а искусство помогает. Елена Васильевна Вуйчик, наш педагог в Театральном институте, говорила, что важно не только вырастить из себя хорошего артиста, а еще стать, быть и остаться хорошим человеком. Я стараюсь».

После чая Хати захотела посмотреть на закат с высоты инжирного дерева. «Оно меня выдержит?» Бабушка рассмеялась: «Конечно! Кормилец силен и могуч». Вслед за мной (я знал самую широкую, крепкую ветку) Хати резво взобралась наверх.

Мы смотрели на огненно-красное небо над морем, как вдруг она спросила: «О чем твоя история?» Я ей не рассказывал, что люблю писать, растерялся. «О море». Она кивнула. «А твоя?» Хати закрыла глаза, подставив лицо прохладному вечернему бризу. «О жажде жить. Дышать полной грудью, чувствовать. Не только вкус вишневого пирога или ветер с моря. Но и то, что принято называть плохим. Разочарование, предательство... Жизнь – лучший драматург, ни один сценарист с ней не сравнится».

10. Вместе вернёмся домой

В погребке мы нашли ошейник из мягкой коричневой кожи и поводок. Решено, берем с собой Гошу. Все-таки одним ехать в город страшновато, с псом поспокойнее: будет нас охранять, хотя вид у Гоши совсем не грозный. В любом случае втроем веселее.

Утром, после пляжа, заманили Гошу к дачной калитке, накормили, напоили, заранее надели ошейник, прицепили поводок. Ждали полудня, когда бабушка задремлет, чтобы удрать из дома, сесть в электричку – и вперед, в город, в кино! Хотелось приключений не только наяву, но и на большом экране.

План побега вынашивали почти неделю. Прокладывали на карте маршрут, подсчитывали деньги из копилки (на билеты, сладкую вату и мороженое). Поначалу я сомневался – не хотелось расстраивать старших. Брат не отступал. «Сами виноваты. Столько их просили, а они обещалкины. Полтора месяца без кино и города... Не трусь, мы же почти взрослые!»

Втроем в большом городе! Целый день! Без надзора!

Кинотеатр находился на Приморском бульваре, мы там не раз смотрели фильмы с родителями. Тревожило другое: как пройти от вокзала? Брат был настроен оптимистично. «Карта показывает, что надо идти вниз, по прямой. Если что, спросим».

Ехали в пустом вагоне. Неудивительно, три часа дня: все, кому нужно в город, уже уехали. Сели в середине вагона, у окон. Гоша затих в ногах, вздрагивая, когда двери в тамбур с грохотом бились друг о друга.

В умных собачьих глазах читалась обреченность от участия в аванюре. «Вы меня обдурили, ребята, это нехорошо. Но что теперь поделаешь, я с вами до конца». Я погладил Гошу, он облизал мою руку и стал передними лапами на сиденье. Поезд тряхнуло, пес шлепнулся на бок.

Я много раз ездил в электричке и мог подолгу смотреть на картинки за окном, но в этот раз все выглядело иначе: выпуклее, красивее. Осознание самостоятельно принятого решения помогало острее ощутить, что моя жизнь принадлежит именно мне, никому больше. Невидимую пуповину, связывающую меня с семьей, перерезала жажда свободы.

«Красиво, да?» – спросил я Али, который так же, как и я, не отрывал взгляда от сменяющихся пейзажей, абсолютно

апшеронских. «Да-а-а», – протянул он. Желтая полупустыня с инжирниками и виноградниками, домики с низкими булыжными заборами, перевернутые рыбацьи лодки вдоль берега, серо-голубая акварель Каспия, парящие в аквамариновом небе чайки.

К пяти-шести часам на пляж начнут стекаться утомленные жарой дачники. Если по утрам они зарывались в горячий песок, то вечерами прогуливались по берегу, подставив тела ласковому предзакатному солнцу.

Я посмотрел на подаренные отцом часы и подумал, что бабушка наверняка обнаружила наше отсутствие. Быть может, ходит по округе, зовет нас, надеется, что мы неподалеку. Быть может, она у соседа Фархада Гамбаровича, у которого есть городской телефон, звонит в город родителям и в милицию. Быть может, плачет от безысходности и читает молитву.

Мне захотелось выбежать на ближайшей станции, поехать обратно. Еще можно, мы недалеко! Хочу сказать о своем порыве брату, но поздно – электричка, переехав каменный мост, устремляется в город.

Мы вышли на привокзальную площадь, нас засосала бурлящая толпа. Брат крепче схватил Гошин поводок, и они двинулись вперед. Я поспешил следом, но дорогу мне перегородил мужчина с телегой, доверху набитой клетками с бе-

лыми гусьями; просовывая головы между железными прутьями, они шипели, как змеи. Мужчина, потев, пыхтя и недовольно бурча, с усилием толкал телегу. Я попытался его обойти, не теряя из виду макушки брата, но меня подхватил и унес людской поток.

В тот день я познакомился со страхом потерять любимого человека – в чужом пространстве, без возможности позвать на помощь бабушку (она волшебница, у нее все получается исправить). Мой страх был похож на тяжелые ржавые цепи заброшенных кораблей, которые я видел на безлюдных участках апшеронских берегов (там обычно строили заводы) – меня обвязали ими, не пошевелиться, дышать тяжело. Остается только кричать, но никто не слышит.

Надо выбраться и вернуться всем вместе в наш дачный мир, где море, дом, Косатка, Кормилец, дедушка с бабушкой. В этом страхе спасал взгляд в небо. Неважно, каким оно было, ясным или пасмурным, я всегда видел в нем бесконечное, непрерывное. Слышу бабушкин голос: «Это вечность, Амир. У нее нет начала и конца, и она о добре, покое. Когда страшно, смотри на небо. Даже если оно темное, там можно увидеть звезды, полумесяц или то, как рождается свет».

...Чувствую, как к моим ногам прислонилось что-то теплое, мягкое. Это же Гоша! Гоша-а-а! Он облизывает мои колени, прыгает на меня, оставляя на светло-желтых шортах

серые следы (ну, бабушка устроит!). Ржавые канаты разлетаются, я свободен.

Следом за Гошей подбегает брат, кричит сквозь гул толпы: «Куда ты исчез? Мы хотели купить сладкой ваты и потеряли тебя». Али говорит что-то еще, но я не слышу, бросаюсь к нему: «Давай вернемся на дачу. Купим вату и уедем. К черту это кино, зато на море успеем!»

...Мы встретили бабушку у дачной калитки, она беспокойно разговаривала с тетей Ирой. Увидев нас, всплеснула руками. «Ах, вот где эти сорванцы! Улизнули, пока я задремала! Где вас носит в такую жару? Я весь пляж обошла, потом к Ире сбегала, думала, вы у нее». Нас спас Гоша и его новый поводок: мол, выгуливали пса у санатория. «Ему было скучно, скулил, мы и вышли прогуляться. Заодно к поводку приучили».

Бабушка сердилась недолго, завела нас в дом, отправила умываться, начала накрывать на стол. Мы так проголодались, что слопали даже ненавистный овощной суп с противными луковыми кусочками. «Мальчики, в следующий раз без предупреждения ни шагу. Иначе у вашей старушки вырастут крылья, и она улетит от вас далеко-далеко. Ха-ха, прямо как в той сказке».

Мы покорно кивнули и попросили добавки.

11. Кто придумал эту чушь с половинками?

В южный город ворвался северный ветер. Все только о нем и говорили: соседи на лестничных клетках, продавцы в булочной, грузчики гастронома, учителя в школе. Даже привыкшие от холода памятники обсуждали ураган, заявившийся в первую неделю сентября.

У папы был выходной, и он решил отвезти нас в школу на такси. Мама к завтраку не вышла – наверное, проспала. Папа заварил чай, сделал бутерброды с маслом и сыром, отварил яйца. Из оконных щелей на кухне свистело, небо окрасилось в плотно-серый цвет, солнца не видно. Белье на балконе взлетало и не опускалось. Пока мы пили чай, папа быстро его собрал.

«Два квартала на такси?! Давай пешком, пап! Пожалуйста! Послушаем ветер». Он не ответил, лишь придвинул ко мне тарелку с нарезанным яйцом. На полусыром желтке плавился кусочек масла с щепоткой соли.

Я любил ветер. Больше, чем жару или дождь. Не потому, что наш город называли городом ветров, дело в другом: ве-

тер приносил мне истории. О людях и их судьбах, которые они то ли сами выбирали, то ли за них это решали до их рождения.

Благодаря ветру я слышал, как на втором этаже консерватории (две станции метро от нашего дома) студент играет на виолончели, снова и снова повторяя фрагмент пьесы; как звенит звонок на перемену в Шестой школе и ученики высыпают в коридоры из душных кабинетов; как свежей печатью пахнут утренние газеты в киоске у Шахматной школы; как тетя Умниса из третьего подъезда отбивает мясо для лангета.

В тот день я все же успел побыть на ветру, пусть и недолго; пока мы стояли в арке, отец на улице искал такси. Странно, но в ветре я ничего не услышал – такое было впервые.

Папа пообещал забрать нас из школы. Уж на обратном пути я уговорю его прогуляться по ветру! Если повезет, то и какао попьем на площади Фонтанов, в кафе, где живет пара зеленых попугаев – Эрнест и Адриана. Они не разговаривают, но, когда к ним обращаешься по именам, начинают раскачиваться на качелях. А еще здесь самые вкусные в мире эклеры!

Я прослушал все, что было на уроках. Предвкушение прогулки с папой будоражило, мысленно я уже ее проживал. Вот мы с отцом выходим из школы, он спрашивает, как прошли

занятия. Али отдает ему портфель, ноет, что учебники тяжелые. Я молчу, что по субботам у нас мало уроков и портфель легче обычного, но брату хочется, чтобы именно папа и никто другой ему помог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.